

Струг истории

БОРИС БЬЁРКЕЛУНД (1893–1976)

русский морской офицер, писатель-мемуарист

Родился в Санкт-Петербурге в семье финляндских шведов. В 1915 г. окончил Морской Корпус, в 1916 г. в чине мичмана принимал участие в боях с германцами на линкоре «Петропавловск». Оказавшись после контузии в Петербурге, стал очевидцем февральских событий, во время которых был ранен в голову мятежными матросами. Не приняв революции, тем не менее в Белом движении Бьёркелунд также не участвовал. В 1921 г. оказался вовлечён в финскую разведывательную сеть. Переселившись в Финляндию, получает место дипломатического курьера Финляндского МИД в Советской России, затем, после провала его разведывательной группы в 1923 г. — место в Финском Генеральном Штабе. В 1938 г. вышел в отставку. Военные годы прожил как частное лицо, владелец антикварного магазина в Хельсинки. В 1945 г. был арестован в своей квартире и отправлен в СССР в числе двадцати так называемых «узников Лейно» (по имени министра внутренних дел Ю. Лейно, выдавшего арестованных комиссии А. Жданова). Вернулся в Финляндию в конце 1955 г. О десяти годах, проведённых в ГУЛАГе, написал книгу, изданную по-фински в 1966 г. Русский вариант воспоминаний под названием «Путешествие в страну всевозможных невозможностей» публиковался с сокращениями газетой «Русская жизнь» (Калифорния) в 1971–1972 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ

(Продолжение. Начало см. в № 1, 2, 3)

Глава V

Период с Октябрьского переворота и до весны 1918 года почти целиком выпал из моей памяти. Помню только, что всего стало меньше, всё стало ещё дороже, но жизнь продолжала катиться по старому руслу. В нашей жизни ничего особенного не изменилось, ещё выходили старые газеты, ещё торговали кое-чем магазины, ещё в парикмахерской, этом своего рода клубе, публика неодобрительно отзывалась о событиях, и куплетисты в кинематографах острили довольно ядовито по адресу новой власти. Типография продолжала работать, и даже количество заказов увеличилось. В доме был создан «Домовый комитет бедноты», в котором никакой бедноты не было.

Мои личные дела кончились, и не то, чтобы это произошло в силу отсутствия объектов для спекуляции, нет, просто я решил с этим обождать, сшил себе полуhalat, обзавёлся целой библиотекой книг и засел дома. Я был уверен, что новая власть не долговечна, и считал, что через год-два, а то и скорее, всё это лопнет как мыльный пузырь, до того же я закопаю в свои книги и предоставляю событиям идти своим чередом. К нам почти каждый день приходили родственники и знакомые жены, её первый муж, Павлуша Немзер, с новой женой, хорошенькой петербургской немочкой

Зиной Мисфельд¹, появились даже новые знакомые, несколько офицеров, вернувшихся с фронта, тоже выжидавших событий и пока никак себя не проявлявших. С них сняли погоны, и они носили их под шинелями, так сказать, тайком. По улицам патрулировала Красная гвардия, весьма фантастически одетая, с красными повязками и с белыми буквами «К. Г.» на рукаве, пугавшая мелкую буржуазию своим разбойничьим видом.

В памяти довольно нелепый, чтобы не сказать, глупый случай со мной, могущий кончиться нехорошо, но на моё счастье оставшийся без последствий. Павлуша Немзер, студент последнего курса Технологического Института, перед самой революцией поступил в Инженерное Училище и в день Октябрьского переворота находился с несколькими товарищами в карауле на Телефонной станции. Когда переворот совершился и станция была занята красногвардейцами, они спрятали свои винтовки у швейцара и удрали по домам. На другой день он пришёл ко мне и попросил помочь ему вывезти эти винтовки и спрятать их, если возможно, у себя. Не знаю, что я думал, но согласие дал, и, захватив пару пледов, мы отправились на Телефонную станцию. Забрав у швейцара четыре винтовки, мы завернули их в пледы и, уложив между собой на извозчика, повезли на Петербургскую сторону. На всех перекрёстках стояли посты красногвардейцев, имеющих приказ задерживать подозрительных лиц, но мы, видимо, таковыми им не показались. Без всякой помехи привезли винтовки ко мне на квартиру и уложили в ящик оттоманки. На другой день мы с женой пошли прогуляться и по пути встретили Немзера, который сообщил, что наш дом оцеплен красногвардейцами и там производится обыск. Когда он спросил дворника, в чём дело, тот сказал, что ищут оружие. Мы бросились домой, где удостоверились в правильности его слов. Положение было весьма неприятное, чтобы не сказать больше. Тут моя жена проявила находчивость, она позвонила по телефону в Финляндский полк, которым командовал муж её кузины, капитан Ушаков, выборный командир этого полка, и рассказала, в каком положении мы находимся. Он успокоил её обещанием уладить это дело. Действительно, через полчаса явились шесть дюжих гвардейских солдат, забрали винтовки и унесли их в полк, причём красногвардейцы никак на это не реагировали. Гора упала с моих плеч. Позже выяснилось, что тревога была ложной. Кто-то донёс, что у управляющего домом имеется ружьё, и был послан наряд Красной гвардии забрать именно это ружьё. Оно оказалось охотничье, и инцидент особых последствий не имел.

Вторая неприятность произошла не по моей вине. Как раз когда солдатня громила винные погреба Зимнего Дворца, мы с женой были приглашены на обед к моему отчиму, жившему на Садовой улице против Столярного переулка. Мы с женой были одеты подобающе для званого обеда, но отнюдь не для переживаемого момента. Я был в офицерской фуражке и николаевской шинели, а жена в каракулевым манто и в белой горностаевой шляпе с чёрными кроссами. Возвращаясь из гостей на извозчике в одиннадцать часов вечера, мы пересекли Марсово Поле и очутились в толпе полупьяных солдат, бегавших во всех направлениях с ведрами в руках и что-то кричавших. В направлении Зимнего Дворца слышалась стрельба. «Плохо,

барин», — сказал извозчик и стал нахлёстывать лошадь, вынесшую нас на Троицкий мост. Тут было тихо и спокойно, всё осталось позади, и мы беспрепятственно доехали домой. Этот случай заставил нас быть осторожнее, и мы решили возвращаться домой пораньше.

Время от времени мы всё же посещали театры, служившие нам единственным развлечением. Особенно я любил театр Сабурова² в Пассаже, где ставились трёхактные пьесы с участием Грановской³ и Надеждина⁴.

Кинематограф был немой, и так как мимические сцены не всем были понятны, то вместе с входными билетами выдавались программы с кратким содержанием происходящего на экране. Эти программы были одной из специальностей нашей типографии, и почти все кинематографы заказывали их у нас. Благодаря этому мы знали, где и что идёт и что стоит посмотреть. Однако ходить в другие части города было рискованно, и мы посещали только ближайшие кинематографы.

Фильмовые аппараты были тогда несовершенны, и в течение сеанса, пока менялись катушки с фильмой, устраивались один-два антракта, во время которых публику развлекали дивертисментом. Особенным успехом пользовались куплетисты. Некоторых из них встречали дружными аплодисментами. Любимцем дам был куплетист Савояров⁵, выступавший во фраке, цилиндре и с моноклем. Его коронными номерами были: «Маша Киса, Маша Киса, мяу, мяу, мяу» и «Луна, луна, сама ты, чёрт, пьяна и светишь на фуфу — тьфу!». В этой песне особый восторг вызывал стеклянный плевок на тонкой резинке, который он выплёвывал в первые ряды публики и который в лучах прожектора летел ему обратно в рот. Другой куплетист был Баронский, эlegantный, красивый господин, выступавший в жакете, клетчатых светлых брюках и белых гетрах. Он посвящал свои куплеты сатире на большевиков и пользовался большим успехом у мелкобуржуазной публики, но бедняга не успел вовремя остановиться и был расстрелян в 1919 году.

Арсиков-Сурин⁶ был пожилой куплетист, он пел на злобу дня, но обходил острые углы, не затрагивая политики. Одной из популярных песенок его была:

*Ах, кто знаком с столицей,
Тот видел много раз,
Как люди вереницею
У лавочек стоят.
В глазах у них желанье,
В коленях же дрожанье.
А в черепе: дают иль не дают?
А тот, кто побогаче,
Кому денюга пустяк,
Так этот в ресторации
Сгибает свой костяк;
И пред распорядителем,
Как перед родителем,
Крутится этак и вот так:*

*«И как Вы поживаете?
И много ль наживаете?
А как у Вас: дают иль не дают?»*

По кинематографам и театрам миниатюр разворачивался застрявший в Петрограде француз Мильтон с массой французских куплетов и песенок, которые посредством русских вставок легко понимались публикой. Мильтон подчёркивал пикантность и двусмысленность.

Процветали кабаре «Би-Ба-Бо», перебравшееся к лету 1918 года в Аквариум⁷, которому все программы, куплеты и песенки писал Агнiewicz⁸, и «Хромой Джо» на Невском⁹, для которого работал поэт Воинов.

Работал Троицкий театр миниатюр¹⁰, Павел Троицкий¹¹ смешил там публику до слёз своими куплетами и имитациями.

По всем театрам миниатюр с мелкими скетчами и пьесками Аверченко подвизался Утёсов¹², ставший впоследствии дирижёром московского джаз-оркестра и автором одного из первых советских фильмов весёлого жанра «Весёлые ребята». Он выступал обыкновенно в паре с артисткой Александринского театра де Плансон, сестрой нашего моряка¹³. В летнем саду Аквариума играл всё лето 1918 года Жорж Буланже со своим румынским оркестром. Очень популярный в дореволюционном Петербурге, он слыл за румына, хотя он был еврей из Бессарабии Зонненберг. Год спустя я увидел его в Летнем саду — он играл на скрипке, сидя под деревом, а на земле лежала шляпа, в которую прохожие кидали деньги.

Банки были национализированы, и для получения денег с текущих счетов нужно было долго и трудно хлопотать. Сейфы тоже были забраны, и из них разрешено было брать только вещи, не имеющие большой цены, на сумму довольно незначительную, остальное реквизировалось. Национализированы были также все крупные предприятия, фабрики и заводы. Мелких предприятий пока не трогали, наша типография продолжала функционировать, но большинство рабочих уехали в деревню. То же до некоторой степени происходило и на национализированных предприятиях, так как рабочий класс был в большинстве своём тесно связан с деревней.

Богатые люди, вернее, бывшие богатые люди, открывали в своих квартирах кафе, где дамы и барышни общества служили горничными. Кофе сервировался в чашках Севра и Мейсена, за неимением сливок подавалось миндальное молоко. Помню, на Каменном Острове в роскошной даче я пил чай из стакана в чеканном серебряном подстаканнике, и кафе это носило название «Кинь грусть в чай».

Открылось много игорных притонов, работавших ночи напролёт, с пёстрым составом посетителей. Бандиты совершали грабительские налёты на них, поэтому для охраны нанимались вооружённые матросы. Раздевали и грабили на улицах, по ночам ходить было рискованно.

Все деньги моей тёщи и жены фактически пропали, вследствие того, что были аннулированы все процентные бумаги и акции, в их числе и железнодорожные займы, в которые моя тёща так свято верила. Сохранились только двадцать тысяч наличных денег, которые мне с большим трудом уда-

лось выцарапать под предлогом уплаты жалованья рабочим. На наше счастье, сейф был почти пуст, вещи были дома.

Помню, с каким трудом мне удалось уговорить отчима не относить в сейф все имевшиеся драгоценности, а у него их было немало, так как он происходил из богатой купеческой семьи. Дома из стены был вынут кирпич, и в получившееся отверстие всё было запрятано. Мой отчим умер в 1922 году, а на оставшиеся в стене драгоценности моя мать могла существовать до 1935 года, когда вместе с пятьюдесятью тысячами оставшихся от дореволюционного времени интеллигентов была выслана в Свердловск, где и оказалась без всяких средств к существованию. В то время моё финансовое положение в Финляндии не было таково, чтобы я смог оказать ей существенную помощь. В ответ на её отчаянные письма я мог посылать ей десять американских долларов в месяц, что на финские деньги составляло пятьсот марок, а на советские по казённой расценке двадцать рублей — стоимость нескольких кило хлеба или около кило сахара. Через имевшуюся в Гельсингфорсе подозрительную фирму, носившую название «Финско-русская торговля», я отправлял ей ежемесячно на тысячу финских марок продуктов, которые благодаря советской пошлине обходились в несуразные цены. Так, например, кило сахарного песка, стоившее в Финляндии семь-восемь марок, обходилось в двести марок; мука, стоившая восемь-десять марок, обходилась в двести-двести пятьдесят марок и т. д. Кроме того, фирма каждый раз оговаривала, что ручается за доставку посылок только в Ленинград и Москву, за доставку же в другие места Союза нести ответственности не может.

Должен сказать, что и посылки, и деньги доходили, но письма терялись, а доходившие письма более чем запаздывали. В 1938 году я получил от матери открытку, где она сообщала мне, что у неё констатирован рак желудка в довольно поздней стадии, что жить ей, слава Богу, остаётся немного и что болезнь у неё протекает не так мучительно, как она ожидала. Далее она выражала радость, что я имею возможность жить по-человечески, благодарила за заботу, выражала сожаление, что не последовала моему совету в 1927 году и не уехала ко мне в Финляндию, давала мне своё благословение и заканчивала письмо обещанием известить о своей смерти.

Через несколько месяцев молчания я получил открытку, на которой мой адрес был написан рукой матери, а само письмо неизвестными мне лицами. В нём значилось: «Сим извещаем, что мамаша Ваша Валентина Ивановна скончалась такого-то числа такого-то месяца в 3 часа утра после тяжкой болезни и похоронена нами на местном кладбище». Подписи и адреса не было. Матери моей было тогда семьдесят лет.

Возвращаясь к прерванному рассказу. Вспоминая то время, я должен сказать, что потеря капиталов в банке не произвела в нашей семье большого впечатления, я даже не помню, чтобы по этому поводу велись разговоры. Моя тёща поставила крест на железнодорожные займы, начала скупать царские кредитные билеты, платя за них на десять процентов больше номинальной стоимости. Когда я пытался убедить её, что эти деньги печатаются в неограниченном количестве и что если бы Николай II¹⁴ вернулся на

престол, то он сам этих денег не признал бы, так как они представляли если не макулатуру, то во всяком случае относительность или условность, тёща мне не верила и собирала кредитки, в особенности сторублёвые, и старательно заклеивала их в обои в прихожей.

К февралю положение приняло неприятный оборот: так называемый «нетрудовой» элемент начали гонять на принудительные работы, часто очень неприятного характера, как, например, похороны умерших от эпидемии (в это время свирепствовал сыпной тиф). Мне нужно было обзавестись какой-нибудь службой или во всяком случае — документом о службе. Но как это сделать? В Финляндии ещё шла Гражданская война, и к февралю выяснилось, что победа склоняется на сторону белых. Продолжать свои хлопоты о финляндском паспорте я побоялся и получил его только летом, благодаря чему оказался иностранным подданным, получив взамен обязательной для всех трудовой книжки — вид на жительство иностранца. Дядя мой Хеккерт уехал в Финляндию ещё в ноябре 1917 года на последнем шедшем туда паровозе, после чего граница закрылась. Закрылась также и контора дяди, так что получить оттуда бумажку о месте службы не представлялось возможным.

Тогда я обратился к моему приятелю Михаилу Песису, бывшему юри-консультантом Ликвидационной комиссии Мурманстройки.

— Что-нибудь надо придумать, — сказал он мне, — но наша комиссия не сегодня-завтра сама ликвидируется. Впрочем, я поговорю в месткоме и тебя извещу.

Дня через два он вызвал меня по телефону к себе на службу и повёл в местком, предварительно ознакомив с положением. В месткоме сидели коммунисты, по большей части малограмотные люди. Михаил убедил их, что ему совершенно необходим помощник, и рассказал, что он случайно натолкнулся на одного юриста (это был я), который согласен перенять ведение дел по искам Комиссариата труда, и что принятие меня на службу, кроме того, прорывает саботажный фронт интеллигенции, не желающей работать с Советской властью.

Председатель месткома, бесцветный субъект неопределённой наружности, окинул меня быстрым взглядом и только спросил Песиса:

— Это так? — и на его утвердительный ответ бросил мне: — пойдёмте.

Мы вошли в комнату, где сидели за столом человек десять столь же невзрачных субъектов — президиум месткома. Председатель обратился к сидевшим за столом с речью, в которой среди банальных революционных фраз подчёркивал важность и значение приобретения на сторону Советской власти таких видных и выдающихся юристов, как я. При этих словах он широким жестом указал на красовавшийся в петлице моего пиджака значок Морского Корпуса. Я растерялся от неожиданности, но председатель вывел меня из растерянности, заявив:

— Выдьте вон, мы вас прополощем.

Я исполнил его требование, и через три минуты председатель, выйдя из двери, сообщил мне:

— Все «за», вы приняты, идите к Песису и принимайте должность.

Должности никакой, собственно, не было. Песис передал мне несколько исков рабочих к строительству Мурманстройки за увечья, а одна женщина требовала денежного вознаграждения за смерть её мужа, потонувшего на озере Имандра. Защищая интересы Мурманстройки, я должен был торговаться и оспаривать эти иски или искать компромиссных решений. Противная сторона олицетворялась Комиссариатом Труда, помещавшимся в бывшем Ксениинском Институте и возглавлявшимся старой подпольной революционеркой Судзиловской.

Стоит ли говорить о том, что все эти дела я блестяще проиграл на судебных заседаниях. На Мурманстройку это никакого впечатления не произвело, но на Судзиловскую произвело, и она предложила мне место юриста в Комиссариате Труда для ведения дел по искам рабочих. Меня это предложение не устраивало, и я его отклонил, поинтересовавшись только, что её привело к такой мысли. Судзиловская разъяснила мне, что её предложение вызвано отзывами членов конфликтного суда, очень меня хваливших за сочувственное отношение к рабочим и их положению.

Ликвидационная комиссия Мурманстройки помещалась во флигеле Дворца княгини Юрьевской¹⁵, морганатической супруги императора Александра II¹⁶. В самом Дворце управляющий княгини барон Минквиц открыл балетную школу.

Клету место моей службы ликвидировалось, но у меня сохранилось удостоверение о службе там, действительное до конца года. Тут произошла новая неприятность, и со стороны, откуда я её меньше всего ожидал, а именно со стороны флота. Меня вызвали в Адмиралтейство и там предложили подписать контракт на добровольную службу на флоте в качестве красного командира. Когда я начал барахлиться и протестовать, то мне прямо сказали, что лучше этого не делать, так как где-то на Соловках открывается специальное место для врагов народа и революции и я могу с лёгкостью попасть туда. Бумаг о финском подданстве я в тот момент ещё не получил. Они находились в комиссариате по делам национальностей на Театральной улице, где комиссаром был Сталин.

Мне ничего не оставалось, как подписать контракт и получить краснофлотский билет с назначением командиром на миноносец «Меткий».

Миноносец стоял у Нового Адмиралтейства. Судьба его прежних командиров была незавидная. Дореволюционный командир его, Витт, был убит во время революции. Следующий — лейтенант Ушнев сбежал, за ним — мичман Петропавловский тоже сбежал. Настала моя очередь.

На миноносце был один офицер, инженер-механик, который сообщил мне, что машина правого винта разобрана и находится в ремонте, который вряд ли когда-нибудь будет закончен. Из шестидесяти человек команды на миноносце находятся всего десять, остальные в разъездах по стране за продуктами. Имеющиеся налицо ничего не делают и делать не хотят, считают себя обманутыми советской властью. Их демобилизовали в декабре, а теперь, так же как и меня, «добровольно» вернули на службу по договору. Кроме того, пробыв несколько месяцев на родине, они остались крайне недовольными всем, происходящим в провинции, и настроены теперь очень

враждебно к власти. На Минной дивизии власть представлена комиссаром Бушем. Он, видимо, латыш, откуда он взялся, никто не знает. Настроение на Минной дивизии было близко к восстанию, и говорят, что в Кронштадте ещё хуже. В заключение мой помощник сообщил, что не сегодня-завтра он сам собирается дезертировать, так как в случае восстания, которое условно будет подавлено, большевики нас расстреляют.

При ознакомлении с кораблём я пришёл в ужас. Грязь была невероятная, корабль кишел крысами. Орудия заржавлены и забиты дрянью, быть употребляемыми не могли. Денежные суммы все были розданы под расписки неизвестных лиц, и председатель Судового комитета утешил меня тем, что эти деньги не пропавшие, они розданы матросам, уехавшим на спекуляцию. Матросы приезжают и привозят продукты, продают их и пополняют денежный сундук. Председатель довёл до моего сведения, что некоторый процент продуктов отчисляется на кают-компанию на прокорм офицеров и мы можем питаться на корабле лучше, чем население питается на берегу. Паёк отсутствующих и находящихся на спекулятивных поездках продаётся на рынке, и деньги поступают тоже в оборот.

Я пожелал узнать, кому я подчинён и где мой начальник; на это никто никаких разъяснений дать не мог, и я пошёл к комиссару Бушу. Он был очень вежлив и сказал, что «Меткий» числится посыльным судном и подчинён командующему флотом, который находится в Кронштадте, но в данный момент «Меткий» в ремонте, и об этом ведутся переговоры с Адмиралтейским заводом. Кто эти переговоры ведёт, он мне сказать не мог, но посоветовал спокойно ждать событий.

Всё это выглядело более чем неутешительно. Я решил нажать на комиссариат по делам национальностей. Подстёгивало меня также то обстоятельство, что уже шла Гражданская война и целый ряд офицеров были посланы на фронтовые флотилии действовать против белых, а это меня уже совершенно не устраивало. Тут судьба оказалась ко мне милостива: я неожиданно получил так ожидаемые мною документы, но с маленькой оговоркой. «Тут всё в порядке, но чтобы получить вид на жительство иностранца, Вам нужно ещё зайти и зарегистрироваться в комнате № 307 совета Петроградской стороны, где Вы живёте. Из того же совета Вам выдадут документ, который мы им переслали», — сказала мне довольно милостивая барышня на Театральной улице.

Ничего дурного не подозревая, я отправился прямо на Каменно-островский 26/28, без труда нашёл комнату № 307 и прочитал на дверях надпись на двух языках: «Центральный комитет финской коммунистической партии». Я был огорошен, но сдаваться не хотел и полез в комнату, которая оказалась целой квартирой. Там меня провели к одному из главных палачей финской компартии Рахья¹⁷. Он плохо говорил по-русски, а я совсем не говорил по-фински.

Пролистав мои бумаги, он внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Печать мы вам поставим, но вам придётся ехать в Петрозаводск, там сейчас расположена наша финская Красная армия, которая крайне нуждается в военных специалистах. Отсутствие их у нас было причиной наше-

го временного поражения, но теперь мы оправимся, начнём наступление и выгоним белых палачей из нашей родины.

Когда я запротестовал против такого предложения и сказал, что хочу ехать не в Петрозаводск, а в Финляндию, где у меня есть родные, то Рахья посмотрел на меня исподлобья и сказал:

— Иностранные подданные бывают разные, могут быть красные, могут быть белые, и если вы белый, то ваше место сидеть в Чеке на Гороховой, а не разговаривать у меня в кабинете. Но мы не русские, и своих не подводим, идите домой и подумайте; вы получите должность батальонного командира. Во время войны люди быстро делают карьеру, и когда мы придём в Гельсингфорс, вы получите очень хорошую должность.

Я указал ему, что не знаю финского языка и не представляю себе, как я буду командовать, на что он возразил, что через несколько месяцев я научусь выражать самое необходимое, а через год буду уже свободно говорить по-фински.

Я ушёл от него озадаченный, ничего не добившись, а на другой день отправился к комиссару Бушу и сообщил ему, что меня хотят забрать в финскую Красную армию, получил от него бумагу, что никуда с флота уволен быть не могу, как высококвалифицированный специалист. С этой бумагой я явился обратно в ЦК финской коммунистической партии, но Рахья там не застал — вместо него сидела какая-то девица, которая, равнодушно просмотрев предъявленную мною бумагу, поставила требуемый штамп. Через два-три дня я получил вид на жительство иностранца для меня и жены.

— Ура, ура! — закричал я и сел писать рапорт в штаб флота с просьбой об увольнении меня с военной службы, как иностранного подданного. Это увольнение я получил в конце августа за подписью комиссара флота Зофа¹⁸.

Не знаю, как это случилось, но девяносто процентов комиссаров были евреи, и притом не из лучших евреев. Таковым был и Зоф. Среди чекистов было очень большое количество латышей.

Мир с Финляндией не был заключён. Хотя войны и не было, но граница была закрыта. Много петербуржцев, поехав на свои дачи, расположенные на Карельском перешейке, оказались за границей. Интересы финских граждан защищали шведы, но так как и Швеция не признавала официально советского правительства, то защитой этой занимался Шведский Красный Крест, имевший свою резиденцию, если не ошибаюсь, в гостинице «Регина»¹⁹. Я сходил туда и взял для верности бумагу с красным крестом и двумя шведскими флагами, в которой было сказано, что моя квартира и находящееся в ней имущество находятся под покровительством Шведского Красного Креста. К сожалению, не было указано, под чьим покровительством нахожусь я сам.

Такую бумагу полагалось повесить на дверь, но я, подумав, положил её в стол. Без этой бумаги квартира наша была менее заметна и более невинна.

Мой лучший друг по корпусу лейтенант Буш²⁰ уже с осени 1917 года устроился в немецком консульстве, в репатриационной комиссии по эвакуации немецких военнопленных, которые группами бродили по Петро-

граду, привлекая общее внимание и веселя глаз парадными формами немецкой кавалерии и гвардейских полков, присланными для них из Германии для замены затрёпанного в плену обмундирования. Буш предлагал и меня устроить в это учреждение, тем более, что я знал немецкий язык, но я считал неудобным идти работать к недавним врагам. Для Буша и другого моряка фон Дена²¹ это было более естественно, так как они были немцами по рождению. Между прочим, любопытна судьба этого моего друга Буша. Отец его Манфред Буш имел в Петербурге картинный, эстампный и рамочный магазин на Невском около Треймана в доме Лейнера против Благородного Собрании. Потом этот магазин переехал на Морскую улицу под Арку Главного Штаба. Старший брат его по окончании немецкой школы уехал учиться в Гейдельбергский университет и во время войны служил офицером в Германской армии, мой же друг Арвид из Annenschule²² поступил в Морской Корпус в младшую кадетскую роту. Мы встретились с ним в четвёртой роте, в которую поступил я, сразу очень сдружились и настолько всегда были вместе, что товарищи называли нас Аяксами и в шутку спрашивали меня: «Буш, а где Бьёркелунд?», и наоборот.

Перед окончанием Корпуса мы с ним сговорились выйти на один и тот же корабль, но судьба судила иначе. Нас произвели в корабельные гардемарины 18 августа 1915 года, а так как полагающегося шестимесячного заграничного плавания во время войны сделать было нельзя, то офицерские погоны мы должны были получить уже 1 сентября.

Буши жили на Мойке. Вечером 22 августа Арvidу захотелось прогуляться перед сном, и он отправился на близлежащий Невский проспект. Там судьбе было угодно, чтобы он встретил двух прапорщиков, которые на сделанное им Бушем приветствие не ответили, а прошли мимо. В то время был антагонизм между армией и флотом, и офицерский состав друг друга недолюбливал, матросы звали армейцев «крупой» и при подходящих случаях с ними дрались. Не видели ли армейцы приветствия, сделанного Бушем, или сознательно его игнорировали, я не знаю, но, судя по следующим событиям, это было, вероятно, второе. Конечно, Бушу не следовало ломиться в амбицию и вступать по этому поводу в объяснения, а он как раз это сделал. Прапорщики оказались в ближайшем рассмотрении капитанами, Буш их плохо разглядел, они вломились ещё в большую амбицию, чем Буш, и сволокли его в Комендантское Управление. Там составили акт, капитаны написали рапорты, приписали Бушу грубости, которых, по его словам, он им не говорил, да ещё и приписали ему, что он был в нетрезвом состоянии, что было ложью, так как Буш вообще не пил.

Буша сперва посадили на гауптвахту, а потом перевели в карцер Корпуса до выяснения. Дело пошло на рассмотрение Морского Министра Григоровича, который отставил его от производства на два месяца с потерей старшинства по выпуску и с отправкой для прохождения службы в Каспийском море. Всё это должно было подорвать его карьеру в корне, не говоря уже о том, что мы все стремились в бой и наш главный страх заключался в том, как бы война не кончилась прежде нашего в ней участия. А на Каспийском море — какая же это война? Однако война там шла, правда, не совсем такая, как мы её себе представляли, но была.

В Персии было беспокойно, в горах «шалили» разбойники²³. Не знаю, имели ли эти беспорядки политическую подкладку, но на усмирение их были посланы казаки генерала Ляхова²⁴, а им в помощь десанты матросов с канонерских лодок «Карс» и «Ардаган»²⁵ в качестве пехоты и пулемётчиков.

В такой отряд попал Буш. Начальником был капитан I ранга Крженовский²⁶, в разгар операции умерший от холеры где-то в горах. Тогда в командование вступил Буш. Банды были разбиты, главари схвачены и повешены. Всё это было сопряжено с большими трудностями, риском и боями. В результате Буш получил орден Анны с мечами и производство в следующий чин не в очередь. Вот как судьба играет иногда с человеком. Во время революции он был как раз в отпуске в Петрограде, где автоматически и остался. Поступив в немецкую репатриационную комиссию, он через неё уехал в Ригу, где, повоевав против большевиков в отряде графа Ливена²⁷, по ликвидации этого отряда перебрался в Берлин. Там он первое время работал ночным сторожем.

Всякое начало трудно, оно ещё труднее, когда человек попадает в новую обстановку, где ему не представляется возможности использовать свои знания, а нужно придумывать что-то новое для него и незнакомое. Бушу удалось устроиться разъездным продавцом в оптовую частную фирму, чему способствовало знание им французского и английского языков. Он стал разъезжать по Европе и приехал в Финляндию. Это было в 1930 году, мы не видались с ним двенадцать лет, но я нашёл, что он очень мало изменился за эти годы. Вскоре после нашей встречи он перешёл работать в фирму «Телефункен» вначале в самом Берлине, затем её представителем в Штутгарте, где он женился на шведке. Он сделался разъездным инспектором продажи в восточно-европейских странах — Болгарии, Румынии, Польше, Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии. Такой рейс длился около двух месяцев, после чего он проводил некоторое время в Берлине. Его заветной мечтой было получить представительство фирмы на Скандинавию, но там фирма уже имела прочные старые связи.

Началась война. Буш, разъезжая по лимитрофным странам и приезжая к нам, очень интересно рассказывал обо всём, им виденном и слышанном. Он, между прочим, был в Минске после его взятия немцами и осматривал там радиозавод имени Молотова. Он рассказывал, как был поражён, что извозчик назвал его «баринном». К концу войны он получил назначение директором завода «Балтик» в Риге, изготовлявшего радиоаппаратуру. Назначение это состоялось уже в 1944 году, когда Германия трещала по всем швам, и можно было ожидать худшего. Но для Буша самое худшее произошло весной 1945 года, когда его мобилизовали на германский флот и послали на Чёрное море командовать портовым буксиром. Этот буксир был при эвакуации Севастополя протаранен германским пароходом и вместе с Бушем пошёл на дно.

Так печально кончилась жизнь моего друга. После него осталась жена с сыном, которая, как я слышал, уехала в Швецию. Мои попытки наладить с ней контакт не удались.

Глава VI

К весне 1918 года дела типографии пошли всё хуже и хуже. Количество заказов сократилось. Отпали торговые фирмы, например, Елисейев¹, шоколадные фирмы «Конради»² и «Жорж Борман»³. Много фотографий, заказывавших раньше паспарту, закрылось. Из рабочих остались одна печатница и одна ученица, девчонка лет шестнадцати, работавшая теперь по хозяйству. Тёща сама делала все наборы, а я печатал. Иногда приходили случайные печатники из фирмы «Отто Кирхнер»⁴, уже национализированной. Я признавал, что дела пойдут всё хуже и что надо что-то придумывать другое, но что? Магазины, ещё не национализированные, закрывались сами за отсутствием товаров. Функционировали цветочные магазины, торговавшие сахарным и изготовленными на нём сладостями довольно гадкого вкуса. Как ни странно, ещё существовали дамские шляпные магазины, дамы в кавычках и дамы без кавычек продолжали одеваться, тогда как мужчины старались принять пролетарский вид.

Я хотя пролетарского вида не принимал, но перестал носить нормальный штатский костюм. Я сшил себе пару английских френчей зелёного защитного цвета и соответствующие бриджи, обзавёлся чёрными и коричневыми высокими сапогами и английской военной фуражкой защитного цвета. Ходил в таком виде, нося в руках стэк из резины, ударом которого можно было оглушить быка. Этим я обзавёлся для безопасности передвижения в поздние часы, когда на улицах «пошаливали».

Наконец я остановился на мысли открыть дамский шляпный магазин. Эта идея пришла мне в голову, когда я наблюдал за тем, как моя жена перделывает старую шляпу на новую.

— Знаешь, — сказал я, — ты очень мило это состряпала, мне пришлось в голову, не открыть ли нам шляпный магазин? Согласна ты работать в этом направлении? Мы, конечно, возьмём пару модисток. Я возьму на себя материальную и организационную сторону, а ты художественно-производственную.

Жена согласилась, выразив, однако, сомнение в целесообразности этого предприятия при теперешней обстановке.

— Дело не требует больших денежных затрат, — утешил я её, — сейчас нужно пользоваться моментом, а строить планы на будущее бесполезно. Не пойдёт дело или его заберут, ну, закроем, и дело будет в полном смысле «в шляпе», больших потерь не будет. Но разрешит ли Совет народного хозяйства⁵ открыть новое частное предприятие — это серьёзный вопрос.

Совнархоз на основании моего заявления, что затраты на открытие дела были мною сделаны ещё в 1917 году, просимое разрешение дал. Свободных магазинов было сколько угодно, и цена на них была пустяковая, но я, вопреки собственным словам, что вдаль заглядывать нечего, всё же в неё заглянул. Я искал магазин в фешенебельном районе города и такой, который можно было бы сохранить при изменившейся обстановке.

Я остановился на магазине в доме гостиницы и ресторана «Медведь» на Большой Конюшенной улице. Во-первых, место было центральное, тре-

тый дом от Невского проспекта, во-вторых, магазин имел не очень большую площадь, сдавался недорого даже и в мирное время, а в-третьих, отель представлял собою оазис, где группировались бывшие богатые люди, собиравшиеся удрать за границу.

Этот дом (как отель, так и ресторан) принадлежал великим князьям Кириллу и Борису Владимировичам⁶. Ведал всем управляющий генерал Судаков⁷, на имя которого были взяты права на предприятие. Непосредственно ведущими дело были француз Леонарди и некий Иван Иванович Иванов. Они оба очень участливо отнеслись к моему начинанию и обещали всячески помочь, что они и сделали, положив под стекло на столиках вестибюля и кафе рекламные карточки нашего магазина, который мы после семейного совещания окрестили «Maison Gautier».

Для придания дому французского характера я посадил в кассу настоящую француженку, бывшую учительницу французского языка моей жены, оставшуюся без дела. В продавщицы я взял дочь француза (мать была русская), m-lle Жено. Дамы мои понаделали шляп, я достал на комиссию от скорняка Орлова меха — пелерины, палантины, горжетки, и дело пошло. Магазин не имел задней комнаты и был поэтому разделён портьерой, за которой сидели мастерицы, и там образовался настоящий клуб, куда забегали знакомые поговорить о текущих новостях.

Большинство из них были офицеры, благодаря чему атмосфера, царившая там, была пропитана оптимизмом и надеждой, что большевики сгинут каким-то волшебным образом и жизнь снова пойдёт так, как это нам казалось нормальным.

Дело шло очень хорошо всю весну и лето, но осенью весь дом был забран под общежитие депутатов Всероссийского крестьянского съезда. Нас, правда, никто не трогал, но матрос, назначенный комиссаром этого общежития, сказал мне буквально следующее: «Мы дамскими шляпами не интересуемся и вас трогать не собираемся, но никто не знает, как пойдёт дальше, помещение нам самим понадобится, поэтому я советовал бы вам вывезти вон всё, что у вас есть ценного, и лавочку закрыть». Я последовал совету комиссара. Я понимал, что после убийства Урицкого⁸ и начала красного террора времена шляпных магазинов прошли.

Летом 1918 года приехал в Петроград некий Тур Гюльфе, брат того Гюльфе, который был женат на моей кузине Любе Хеккерт. Он приехал в качестве дипломатического курьера Шведского Красного Креста. Он привёз частным образом партию дамских чулок, которые к тому времени были в Петрограде остро дефицитны. Эти чулки я у него скупил, и они оказались тем фондом, который помог мне пережить зиму 1918–1919 гг. Сам Гюльфе при каждом своём приезде, а приезжал он раз пять, скупал ковры, картины, фарфор, которые в то время можно было купить в Петрограде за гроши. Не имея возможности вывезти это всё это за границу, он устроил складочное место в квартире одного датчанина, личность которого была для меня так же загадочна, как и род его деятельности. Эти дела и знакомства я решил использовать для переправки за границу моих ценностей и денег, на что Гюльфе охотно согласился. Я дал ему двадцать тысяч крон, несколько бриллиан-

товых вещей без определённой оценки и меха моей жены. Всё это он брался свезти в Швецию и поместить в банке в сейф, взятый на моё имя. Взамен он просил меня взять к себе закупленные им вещи. Я принуждён был ему отказать, указав на ненадёжность такого помещения их, трудности сохранения при их громоздкости и неопределённости положения вообще.

На этом мы расстались. Год спустя ко мне на квартиру явился датчанин и сообщил, что через два дня он уезжает в Данию и что он, согласно распоряжению господина Гюльфе, привёз мне хранившееся у него имущество Гюльфе: штук десять больших картин, столько же разных размеров восточных ковров, штук двадцать предметов саксонского и северского фарфора и громадную шкуру тигра. Не скажу, чтобы я этому обрадовался. Я понимал, что вывезти с собой за границу эти вещи не смогу, а оставив их в России, возьму на себя ответственность за их целость. Датчанин сообщил мне также, что Гюльфе просил передать мне, что ему никак не удаётся продать меха моей жены и что цены на них в Швеции нет. О деньгах он ничего не упомянул — вероятно, на них цена всё же была! Датчанин исчез, собственноручно разгрузив всё привезённое с грузовика в мою кухню.

Когда я в 1921 году приехал в Гельсингфорс, то мне удалось привезти с собой фарфоровые вещи господина Гюльфе, что я ему и сообщил радостно по телефону. Гюльфе немедленно явился за ними и поднёс мне пару замшевых перчаток лимонного цвета. Забрав фарфор, он выразил сожаление, что я не смог привезти остальных его вещей. На вопрос о моих вещах и деньгах Гюльфе несколько замялся и сказал, что сохранить их ему тоже не удалось, так как он неудачно спекулировал и всё потерял в конкурсе. В компенсацию я могу распорядиться его вещами, оставшимися в Петрограде. Получилось «тю-тю», но я старался себя утешить тем, что сам выскочил из советского рая, а также и тем, что дураков учат. Его вещи остались в России, и судьба их мне неизвестна.

Вспоминается мне ещё такой случай. В день убийства Урицкого, бывшего председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией, в просторечии ЧК, я ехал днём на трамвае в город. По дороге в трамвай сел мой товарищ по Корпусу и кораблю Алексей Алексеевич Геринг⁹ с довольно большой плетёной корзиной.

— Ты что везёшь? — спросил я.

— А я Урицкого зарезал, разрезал и упаковал в корзинку для отправки в Америку его родственникам.

— Что ты глупости говоришь! — воскликнул я, невольно обернувшись, нет ли нежелательных свидетелей, но, к счастью, мы были одни.

Выйдя из трамвая около моего магазина, я сперва зашёл в кафе выпить кофе. Придя в магазин часа в четыре, я застал там целое собрание знакомых, сообщивших мне об убийстве Урицкого. Подробностей никто не знал. Я вспомнил мою встречу с Лёшей и остолбенел. Неужели его слова были не глупой шуткой, а жуткой правдой? Я рассказал о своём разговоре в трамвае. Началось обсуждение события, и в самый разгар в магазин вошёл Геринг. Надо было видеть лица присутствующих. Это было лучше сцены из «Ревизора», когда городничий сообщил о приезде ревизора. Все замолча-

ли и усталились на вошедшего. Недоразумение быстро выяснилось, и Лёшка сам испугался своей легкомысленной шутки.

Незадолго до окончательного закрытия магазина, если не ошибаюсь, это было в конце августа 1918 года, дирекция «Медведя» устроила прощальный ужин для всего персонала и лиц, живущих в отеле, на который были приглашены и мы с женой. Присутствовало человек шестьдесят, все старались казаться весёлыми, но это плохо удавалось. Леонарди сказал мне, что он на днях уезжает в Париж, где думает открыть русский ресторан. Старый метрдотель-француз тоже покидал Россию и, выпив бутылку шампанского, расплакался и сказал, что уезжает с болью в сердце. За двадцать пять лет, проведённых в России, он с ней сроднился и чувствует эту разлуку так, как будто покидает родину. На другой день мы получили в подарок гуся и банку сливочного масла в несколько кило, на чём мы и расстались, сохранив друг о друге самые лучшие воспоминания.

Подводя итоги этого периода, я находился в следующем положении: налицо был паспорт иностранного подданства, так называемый вид на жительство иностранца, но уехать с этим паспортом я не мог, так как граница Финляндии была закрыта и дипломатических отношений с ней не было. Таким образом, прока от паспорта можно было ожидать только в будущем. Далее — в материальном отношении положение тоже не было блестящим, свои главные средства я отправил с Гюльфе за границу, на руках осталось около тысячи крон в золотых монетах, причинявших мне немало забот — куда их спрятать и как сохранить? Типография проявляла очень слабые признаки жизни, и мы с трудом сводили концы с концами, деньги падали, а цены росли в сказочной прогрессии. Доставать продукты становилось всё труднее, надвигался голод. Пришлось ликвидировать двух наших собак, так как кормить их было нечем. На улицах встречались люди с распухшими от голода лицами, и мы сами чувствовали большую лёгкость в желудках. Но всё это были цветочки — ягоды были впереди.

На юге началось Белое движение, Украина стала заграницей¹⁰, снова появились какие-то надежды в связи с чехословацким восстанием на Волге¹¹ и Колчаковским движением в Сибири. Разобраться во всём было очень трудно, каждый обрисовывал положение согласно своим симпатиям, а составить реальную картину было невозможно.

Для нас обстановка осложнилась тем обстоятельством, что моя жена была в положении и ждала ребёнка в ноябре. Как удастся поднять ребёнка при такой обстановке? Эта мысль причиняла мне много беспокойства. Трудно сейчас, сорок семь лет спустя, вспомнить многое из того страшного времени. Но помню, что я наметил в общих чертах такой план: попытаться пережить зиму и при первой возможности уехать в Финляндию, тем более по почте мною было получено неизвестно какими путями дошедшее до меня письмо от тётки из Финляндии. В очень осторожных выражениях писала, что при моём здоровье климат Петрограда мне не подходит и следует уехать в Финляндию, где я могу остановиться у моей кузины Любы Гюльфе в Ганге.

Сейчас осуществлять отъезд можно было только нелегальным путём, и, хотя у меня были к тому возможности, я не рисковал делать такой шаг с беременной женой или с новорождённым младенцем.

КОММЕНТАРИИ:

К главе V

- ¹ Вернее: *Мисфельдт* Зинаида Фердинандовна, дочь губернского секретаря, чиновника Государственного комитета погашения долгов.
- ² *Сабуров* Симон Федорович (16.07.1868–28.01.1929), театральный деятель, актёр и антрепренёр. В 1913–1917 гг. актёр и владелец театра «Пассаж» в Петрограде (преобразован в 1925 г. в театр «Комедия»).
- ³ *Грановская* Елена Маврикиевна (13.06.1877–15.06.1968), известная театральная актриса. В 1913–1931 гг. работала в петербургском театре «Пассаж» (с 1925 г. театр «Комедия»), в 1931–1937 гг. в Ленинградском театре комедии (до 1933 г. Театр сатиры и комедии), в 1939–1967 гг. в Большом драматическом театре. С 1944 г. народная артистка РСФСР, с 1951 г. лауреат Сталинской премии.
- ⁴ *Надеждин* Степан Николаевич (1878–1934), театральный деятель, актёр и режиссёр. С 1908 г. актёр театра «Пассаж», постоянный партнёр Е. М. Грановской. Актёр и главный режиссёр Ленинградского театра Сатиры и комедии.
- ⁵ *Савояров* (наст. фам. Соловьёв) Михаил Николаевич (1876–1941), популярный артист эстрады, автор-куплетист, мим и эксцентрик.
- ⁶ *Арсиков-Сурин* Арсений Иосифович, известный дореволюционный эстрадный артист, куплетист, исполнитель комических сценок и монологов собственного сочинения.
- ⁷ «Аквариум» — популярный петербургский увеселительный сад. Был открыт в 1886 г. на Каменноостровском проспекте, 10 купцом Г. А. Александровым (1847–1910). В 1896 г. в нём прошёл первый в России киносеанс. В 1923 г. прекратил своё существование.
- ⁸ *Агнивцев* Николай Яковлевич (08.04.1888–29.10.1932). Петербургский поэт, драматург, автор книг для детей. В январе 1917 г. открыл в Петрограде популярный артистический театр-кабаре «Би-Ба-Бо» (Итальянская ул., 18), закрытый в 1918 г. В 1920 г. эмигрировал, в 1923 г. вернулся в СССР.
- ⁹ «Хромой Джо» — сатирический театр-кабаре, действовавший в Петрограде при Государственном театре комической оперы под руководством К. А. Марджанова. Закрыт в 1922 г.
- ¹⁰ Троицкий театр миниатюр был открыт в центре Санкт-Петербурга в 1911 г. на Троицкой ул., 18 (ныне ул. Рубинштейна) А. Фокиным по образцу мюнхенского Интимного театра. Прекратил своё существование в феврале 1918 г.
- ¹¹ *Троицкий* Павел Иванович (1891–22.02.1964), популярный петербургский куплетист-юморист, актёр эстрады и театра. В 1918 г. уехал в Киев, затем на Юг России, где вел патристическую антибольшевистскую пропаганду. С 1920 г. в эмиграции, жил в Турции, странах Восточной Европы и во Франции. Продолжал творческую деятельность до 1962 г. Умер в Париже.
- ¹² *Утёсов* Леонид Осипович (наст. имя — Вайсбейн Лазарь Иосифович) (09.03.1895–09.03.1982), эстрадный певец, актер театра и кино. С 1942 г. заслуженный артист РСФСР, с 1965 г. народный артист СССР.
- ¹³ *де Плансон* Наталия Константиновна, актриса Александринского театра. Дочь вице-адмирала К. А. Плансона, сестра мичмана А. К. Плансона.
- ¹⁴ *Николай II Александрович* (06.05.1868–17.07.1918), Император Всероссийский с 1894 г. Под давлением высшего военного командования 2 марта 1917 г. был вынужден отречься от престола. В ночь на 17 июля 1918 г. вместе с семьёй и верными слугами зверски убит большевиками в Екатеринбурге в подвале дома инженера Ипатьева. Канонизирован Русской Православной Церковью.
- ¹⁵ *Светлейшая княгиня Юрьевская* (урожд. княжна Долгорукова) Екатерина Михайловна (22.10.1847–15.02.1922), выпускница Смольного Института 1865 г. С 1876 г. фрейлина импе-

патрицы Марии Александровны. С 1880 г. морганатическая супруга императора Александра II, возведена им вместе со своими добрачными детьми в титул Светлейшей княгини Юрьевской. На 1917 г. Светлейшей княгине не принадлежало собственности в Петрограде, скорее всего Б. В. Бьёркелунд имеет в виду т. н. Малый Мраморный дворец, расположенный на Гагаринской ул., д. 3, проданный в 1913 г.

- ¹⁶ *Александр II «Освободитель» Николаевич* (17.04.1818–01.03.1881), Император и Самодержец Всероссийский с 1855 г. Убит террористами.
- ¹⁷ *Рахья* Иван (Юкка) Абрамович (19.07.1887–31.08.1920), из финской семьи, рабочий-металлист. С 1902 г. член РСДРП(б), участник революционных беспорядков в Кронштадте в 1905 г. После Февральской революции 1917 г. член Петербургского комитета РСДРП(б). После Октябрьского переворота 1917 г. направлен в Финляндию помощником комиссара по финляндским делам. Активный участник Гражданской войны в Финляндии, один из организаторов финской Красной гвардии и основателей Коммунистической партии Финляндии, член её ЦК. Убит соратниками по партии во время перестрелки в клубе финских коммунистов им. О. В. Куусинена в Петрограде.
- ¹⁸ *Зоф* Вячеслав Иванович (12.1889–20.06.1937). По одним данным чех, по другим еврей. С 1913 г. член РСДРП (б). Слесарь на Сестрорецком оружейном заводе. В 1919–1920 гг. член Реввоенсовета Балтийского флота и член комитета обороны Петрограда. В 1921–1924 гг. комиссар при Главнокомандующем морскими силами Республики. В 1924–1926 гг. начальник ВМС и член Реввоенсовета СССР. В 1927–1929 гг. председатель Совторгфлота. В 1930–1931 гг. заместитель наркома путей сообщения, в 1931–1936 гг. первый заместитель наркома водного транспорта. В 1936 г. директор завода «Компрессор». Арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.
- ¹⁹ Гостиница «Регина» располагалась на наб. р. Мойка, дом 61.
- ²⁰ *Буш* Арвид Манфредович (03.01.1895–1944). Выпускник Морского корпуса 1915 г. лейтенант Каспийской отдельной флотской роты. В 1918 г. сотрудник Германского консульства в Петрограде. Служил в Ливенском отряде в 1919–1920 гг. В эмиграции в Германии, сотрудник фирмы «Телефункен», член Союза взаимопомощи служивших в российском флоте. Во время Второй мировой войны призван в германский ВМФ, где и погиб.
- ²¹ *фон Ден* Борис Августович (1895–1974). Выпускник Морского корпуса 1916 г. Офицер Гвардейского экипажа. Отставной лейтенант. В 1918 г. на службе в Германской армии. В эмиграции в США, затем в Венесуэле.
- ²² *Annenschule* (Анненшуле) — престижное учебное заведение (училище) при Лютеранской церкви Святой Анны в Санкт-Петербурге (Кирочная ул., 8а). Открыто в 1736 г. В училище принимались дети всех конц(ф)ессий. Обучение велось преимущественно на немецком языке. К кон. XIX в. в училище, имевшем мужскую и женскую гимназию, реальное и коммерческое отделение и две элементарные мужскую и женскую школы, обучалось 1800 человек. В 1918 г. Анненшуле была преобразована в единую трудовую школу № 37, с постепенным прекращением преподавания всех предметов на немецком языке.
- ²³ Имеется в виду т. н. восстание дженгелийцев («лесных братьев») под предводительством Кучек-хана в Гиляне (Северный Иран) в 1914–1916 гг., подавленное русскими, английскими и персидскими войсками.
- ²⁴ *Ляхов* Владимир Платонович (20.06.1869–30.04.1920), из кубанских казаков. Окончил 1-й Московский кадетский корпус в 1887 г., Александровское военное училище в 1889 г. и Николаевскую академию Генерального штаба в 1896 г. С 1912 г. генерал-майор, начальник войскового штаба Кубанского казачьего войска. Во время Первой мировой войны в 1915 г. назначен комендантом Михайловской крепости, привлекался к командованию различными частями на Кавказе. С 1916 г. генерал-лейтенант, командир 39-й пехотной дивизии. В 1917 г. командир 1-го Кавказского армейского корпуса. В 1918 г. возглавил сводный белый отряд, действовавший на Владикавказской железной дороге, затем командир 3-го армейского корпуса Вооруженных сил Юга России. В январе-мае 1919 г. главнокомандую-

ший войсками Терско-Дагестанского края, затем зачислен в резерв. Убит злоумышленниками в Батуме.

²⁵ «Карс» и «Ардаган» — канонерские лодки Русского Императорского флота. С 1911 г. в составе Каспийской флотилии. С 1917 г. в составе сил Центрокаспия и Каспийской красной флотилии. В 1918 г. захвачены мусаватистами, в составе флота Азербайджанской демократической республики. В 1919–1920 г. в составе Каспийской белой флотилии. В 1920 г. захвачены красными, были переименованы: «Карс» в «Ленин», а «Ардаган» в «Троцкий» (с 1927 г. «Красный Азербайджан»). В 1959 г. демонтированы.

²⁶ Бьёркелунд неправильно воспроизводит фамилию. В действительности: Кржижановский Николай Людвигович (26.01.1878–1916). Окончил гидрографическое отделение Николаевской Морской академии и Курс подводного плавания. Участник Русско-японской войны в составе 2-й Тихоокеанской эскадры. Командир подводных лодок: «Сиг» (1907–1908) и «Крокодил» (1908–1910). В 1910–1915 г. старший офицер канонерской лодки «Кубанец» Каспийской отдельной флотилии. С 1915 г. капитан I ранга, командир канонерской лодки «Ардаган».

²⁷ Светлейший князь Ливен Анатолий Павлович (16.11.1873–03.04.1937), выпускник Николаевского Кавалерийского училища. Камер-юнкер, ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка. Во время Гражданской войны в рядах Балтийского ландесвера. В 1919 г. создал Ливенский добровольческий стрелковый отряд или Ливенский отряд, ставший впоследствии 5-й пехотной дивизией Северо-Западной армии. Полковник. В эмиграции во Франции, затем в Латвии. Глава Союза северо-западников, в 1932–1937 гг. — Братства Русской Правды.

К главе VI

¹ «Братья Елисеевы» — крупнейшая дореволюционная российская торговая фирма, занимавшаяся оптовой и розничной продажей колониальных (импортных) и российских продовольственных товаров. Основана как семейное дело в 1813 г. выходцем из крестьян П. Е. Елисеевым и продолжена его сыновьями. Держала крупные магазины в Петербурге, Москве, Киеве и др. городах России. Вела широкую благотворительную деятельность. Закрыта после 1917 г.

² «Морис Конради» — одна из крупнейших и старейших шоколадных фирм Санкт-Петербурга. Основана в 1853 г. швейцарским подданным Маврикием (Морисом) Конради. Имела фабрики, а также магазины в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани и других крупных городах России. В 1918 г. национализирована.

³ «Жорж Борман» — крупнейшая русская шоколадно-кондитерская фирма. Была основана потомственным почётным гражданином, купцом 2-й гильдии Григорием Николаевичем Борманом в Санкт-Петербурге в 1862 г. Имела фабрики и магазины по всей России. В 1918 г. имущество фирмы национализировано. В 1922 г. переименована в «Кондитерскую фабрику им. К. Самойловой».

⁴ Основанное в 1871 г. товарищество «Отто Кирхнер» занималось выпуском конторских и адресных папок, канцелярских коробок, блокнотов, материалов для переплёта книг и др. продукции. Располагалось неподалёку от типографии Боричевых на Большой Пушкарской ул., 16. Было национализировано в 1918 г., впоследствии переименовано в фабрику конторских книг «Светоч».

⁵ Высший Совет народного хозяйства — центральный советский орган по регулированию и управлению основными отраслями народного хозяйства и государственных финансов. Создан декретом Совета Народных комиссаров от 2 декабря 1917 г. В 1922 г., в связи с образованием СССР, получил права объединённого наркомата. В 1932 г. разделён на отраслевые наркоматы.

⁶ Борис Владимирович (12.11.1887–09.11.1943), Великий Князь. Внук Императора Александра II, третий сын Великого Князя Владимира Александровича. Окончил Николаевское ка-

валерийское училище. С 1914 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Атаманского полка. С 1915 г. походный атаман всех казачьих войск. Во время Февральской революции 1917 г. пытался прийти на помощь Императору Николаю II. В марте 1917 г. отправлен в отставку и арестован. В 1918 г. освобождён белыми на Кавказе. С 1919 г. в эмиграции. Умер в Париже.

- ⁷ Автор ошибается: крупный российский ресторатор, владелец ресторанов «Яр» в Москве и «Медведь» в Петербурге, купец 1-й гильдии Алексей Акимович Судаков генералом не был.
- ⁸ *Урицкий* Моисей Соломонович (02.01.1873–30.08.1918). Член ЦК РСДРП(б). С 16 октября 1917 г. член Военно-революционного центра большевиков, созданного для партийного руководства восстанием в Петрограде, член Петроградского военно-революционного комитета. В 1918 г. отказался войти в состав ЦК РСДРП(б), председатель Президиума Петроградской ВЧК и народный комиссар внутренних дел Северной области. Организатор «красного террора» в Петрограде. Убит эсером Л. И. Каннегисером.
- ⁹ *Геринг* Алексей Алексеевич (30.12.1895–24.02.1977). Учился в 1-м кадетском корпусе, окончил Морской корпус в 1915 г. Служил на линкоре «Петропавловск». В 1918 г. бежал из Петрограда на юг России, где вступил в вооружённые силы генерала А. И. Деникина. В 1920 г. произведён в лейтенанты. В составе русской эскадры эвакуировался из Крыма в Константинополь, затем в Бизерту. В 1922–1924 гг. командир эсминца «Беспокойный». В эмиграции во Франции. После Второй мировой войны председатель Обще-кадетского объединения во Франции. В 1952–1974 гг. основатель и редактор журнала «Военная быль» (вышло 129 номеров) и приложения «Военно-историческая библиотека» (выпущено 12 книг). Умер в Париже.
- ¹⁰ Созданная в Киеве в марте 1917 г. Центральная Украинская Рада 11 января 1918 г. провозгласила о создании независимой Украинской народной республики (УНР), последняя была признана большевистским правительством в марте 1918 г. при подписании Брестского мирного договора.
- ¹¹ Чехословацкое восстание — крупнейшее антибольшевистское вооружённое выступление в 1918 г. Поднято 25 мая 1918 г. командованием Отдельного Чехословацкого корпуса, размещавшегося в России от Пензы до Владивостока и до того бывшего нейтральным, в ответ на ультиматум Л. Д. Троцкого о разоружении. На силах Чехословацкого корпуса лежала одна из главных ролей в сопротивлении большевикам летом-осенью 1918 г. на Восточном фронте Гражданской войны. На захваченной территории чехи ликвидировали органы советской власти и содействовали образованию контрреволюционных правительств (в Самаре — «Комуч», в Екатеринбурге — кадетско-эсеровское «Уральское правительство», в Омске — «Временное сибирское правительство»).

Публикация и комментарии С. А. Манькова